

Александр Иванович Куприн

Интервью

Александр Куприн

Интервью

«Public Domain»

1916

Куприн А. И.

Интервью / А. И. Куприн — «Public Domain», 1916

«Двенадцать часов дня. Известный драматург Крапивин бегает взад и вперед по кабинету. Левой рукой он нервно крутит вихор над лбом, а правой делает жест, соответствующий тому месту в пьесе, которое ему никак не дается...»

Александр Иванович Куприн

Интервью

Двенадцать часов дня. Известный драматург Крапивин бегаёт взад и вперед по кабинету.левой рукой он нервно крутит вихор над лбом, а правой делает жест, соответствующий тому месту в пьесе, которое ему никак не дается... Полы его старого татарского халата, зеленого, в белую продольную полоску, развеваются по сторонам. На ходу Крапивин сквозь стиснутые зубы напыщенно декламирует:

– «Нет! Не проклятие, не жажда мести останутся в моем сердце, а холодное, вечное презрение... Ты разрушила...»

Горничная Паша показывается в дверях.

– Барин...

– «Ты осквернила тот идеал... Нет. Тот пьедестал, который...»

– Барин, там какой-то человек пришедши. Крапивин останавливается и некоторое время смотрит на нее, точно спросонья, блуждающими глазами.

– Дура, – бросает он свирепо. – Если уж хочешь выразаться правильно, то надо говорить не пришедши, а пришедцы.

– Человек пришедцы.

– Никого не принимаю. Вон. Нет меня дома... Какой человек?

– Какой-то мужчина. Я ему докладывала...

– Вон. Я занят, заболел, умер...

– А они не слушают и лезут самосильно.

– Сорок раз тебе говорить, ворона псковская, что я принимаю только от... Что вам угодно, милостивый государь?

В комнату медленно вскользает очень молодой джентльмен. Смокинг, черный галстук, цветок ромашки в петлице, из бокового кармана торчит уголок фиолетового платка. Лицо бритое, с английским косым пробором. На губах очаровательная улыбка, в которой есть все: простосердечие, наивность, восхищение, застенчивость, – но также и одна искренняя тонкая черта – прирожденный лукавый комизм.

– Глубокочитимый... высокоталантливый... миллион извинений... Я сам знаю, как всем поклонникам вашего блестящего таланта дорога каждая минута вашего дивного, прелестного творчества...

– Да-с, – грубо прерывает его писатель. – И вы сами видите, что в настоящую минуту я занят, о чем вам только что сказала прислуга. И, наконец, кто вы такой, черт возьми?

Но гость не смущен. Голос его становится еще нежнее, произношение еще слаще, улыбка еще обаятельнее.

– Я сотрудник газеты «Сутки» – Бобкин... Вот моя карточка. Многочисленные читатели нашей газеты давно горят желанием узнать, над какой новой пьесой работает теперь ваше гениальное перо. Какие новые жгучие образы лежат в вашем неистощимом портфеле...

– Фу ты, черт, – тяжело вздыхает Крапивин. – Ничего я не пишу. Никакие не образы. Отвяжитесь вы от меня, Христа ради, господин Трепкин.

– Бобкин... Ну, хоть не содержание, а только заглавие, – молит медовым голосом репортер.

– И заглавия нет никакого. «Суматоха в коридоре, или Храбрый генерал Анисимов»... «Жучкина подозрительность»... «Две пары ботинок и ни одного шофера»... «Красавица со шпанской мушкой». Молодой человек, оставьте меня в покое. Я вам это серьезно советую в ваших же интересах. Уйдите, господин Дробкин.

– Ха-ха-ха, – смеется подобострастно репортер и быстро чиркает что-то в записной книжке.

– А позвольте спросить, дорогой учитель, хотя это, может быть, немного и нескромный вопрос: вы очень волнуетесь перед первым представлением ваших изумительных пьес?

– О-ох, – стонет Крапивин, бухаясь в кресло и обтирая лоб платком. – Ужасно волнуюсь. Чудовищно волнуюсь. Ничего не ем целый месяц. Пью бутылками самые сильные наркотины – хлоральгидратитрионал... Не выхожу из ледяной ванны...

Репортер кивает головой и поспешно строчит. Крапивинным овладевает испуг.

– Что вы там пишете? Слышите вы меня или нет? Это я шутя все сказал, со злости... Положите в карман вашу гнусную книжку. Положите, я вам говорю. Иначе... Видите вы эту бронзовую статуэтку?

– Ваш бюст, кажется? Работа Трубецкого?

– Не мой, а Шекспира... Но все равно, вы отлично понимаете, что я могу сделать с этой бронзой, молодой человек, – добавляет он упавшим голосом, – ах, покиньте, пожалуйста, покиньте мой дом. Уйдите, господин Тапкин.

– Сию минуту, маэстро. Сейчас, сейчас... Еще два-три последних вопроса, и я оставлю вас наедине с вашей музой. Ваше мнение о современном искусстве?

– Не знаю, ничего не знаю, – устало бормочет Крапивин. – У меня астма... Паша, квасу! Вы пьете квас, молодой человек? У меня домашний... На смородине.

– Где намереваетесь провести лето?

– Не знаю... в этом самом... в как его, на северном экваторе.

– Взгляд ваш на футуристов?

– Отвяжись ты от меня, умоляю я тебя, несносный человек. Довольно того, что весь мой рабочий день испортил. Уйди!

– Что вы скажете о теперешней дороговизне предметов?

– Ничего... Брр. Паша! Да идите же, когда вас зовут, тихоход австралийский. Вот этот молодой барин, господин Типкин, очень торопится идти по весьма неотложному делу. Подайте ему пальто, шляпу, палку, калоши, зонтик, кашне и наймите ему автомобиль за мой счет.

– О, как вы добры, дорогой писатель. Сейчас узнаешь драматурга школы незабвенного Островского. Последние вопросы: какого вы мнения о пораженцах? Крапивин не выдерживает больше.

Быстро снимает он со стенного ковра старинный заржавленный пистолет с дулом в виде раструба, оружие времен Измаила и Чесмы, наводит его на репортера и орет, весь сотрясаясь:

– Я тебя, щучий сын, убью сейчас из этого поганого пистолета, если ты не исчезнешь!

Интервьюер исчезает. Последнее слово, которое, подобно львиному реву, достигает до его слуха, – слово «прохвост».

На другой день известный драматург Крапивин, все его друзья и знакомые, а также все подписчики газеты «Сутки» читают следующую статью:

«У Б. Крапивина

(Личная беседа)

Мы застали маститого драматурга в самый разгар его творчества. Талантливый автор «Развала семьи», извинившись за утренний туалет (роскошный, вышитый шелком атласный халат – дар, как мы догадываемся, одной из бесчисленных поклонниц русского Мольера), принял нас с своим

обычным русским лукулловским радушием в роскошном кабинете, стиля Луи Каторз Пятнадцатый.

На наш вопрос о том, какими новыми пьесами подарит нас плодовитый автор «Неуязвимой», знаменитый автор ответил:

«Я всегда из суеверия держу мои замыслы в секрете. Но для сотрудника «Суток», так и быть, поделюсь кое-чем. Я одновременно работаю над несколькими вещами – такова моя манера творить. Во-первых, большая историческая драма из военной жизни, где центральная фигура – известный русский боевой генерал. Затем современная пьеса «Подозрение ревности», в которой блеснет своими великолепными туалетами несравненная наша артистка Танина-Перестроева.

Кроме того, намечается план легкой комедии, нечто вроде любовного тонкого фарса, который думаю озаглавить «Женщина с родинкой».

Во время своих премьер я волнуюсь, как мальчик перед экзаменом. Во время же работы опускаю ноги в ледяную воду, кладя на голову горячий компресс, и принимаю в большом количестве трихлороехинококк».

«Лето полагаю провести на Шпицбергене, – продолжал очаровательный собеседник, наливая нам бокал тонкого кларета из собственных крымских погребов, – а осень – в моей любимой Испании или на Принцевых островах».

«Мне нравятся экзотические крайности».

О современной русской литературе автор «Злых семян» отзывается с крайней осторожностью, но в голосе его слышится разочарование. Футуристы, однако, занимают внимание модного драматурга. Он со снисходительной улыбкой похвалил Вадима Тавричанина, Землянского и Колпаковского и, пользуясь своей блестящей памятью, процитировал наизусть несколько наиболее причудливых строф.

Теперешняя дороговизна предметов первой необходимости прямо кидает в дрожь симпатичного автора «Растраты».

«Это еще ничего, что все оно дорого, – говорит он с унынием, – но обидно, что многого и совсем достать нельзя. Свечей, например, и со свечой не отыщешь (простите за невольный каламбур, – улыбнулся нам обаятельный собеседник), а я всегда работаю при свете двух канделябров. Ничего не поделаешь – привычка».

На наш последний, самый жгучий вопрос о пораженцах автор «Пустых сердец» ничего не ответил, а только безнадежно махнул рукой.

Полуторачасовая беседа промелькнула, как одна минута.

Прощаясь, мы попросили у знаменитого драматурга карточку с надписью на память.

«Ни одной не осталось, – ответил гостеприимный хозяин, добродушно смеясь. – Все поклонницы расхватили. Если угодно, вот вам мой бронзовый бюст. Это работа Родена...»

Прежде чем расстаться с нами, автор «Дачного пикника» любезно показал нам свою небольшую, но богатую коллекцию старинного оружия, где особенное внимание обращают на себя прекрасные пистолеты работы известного Лепажя.

Провожая нас до дверей, маститый художник пера, вполголоса, с лукавой, чисто русской улыбкой сказал:

«Сообщу вам одному на ушко, только, чур, никому не говорите: вчера отослал в театральную цензуру новую пьесу, под названием «Прохвост».

Боюсь, что придерутся к заглавию, а будет жаль. Вещица написана в сочных и ярких бытовых тонах и, вероятно, будет гвоздем сезона».

В заключение очаровательный хозяин предложил нам воспользоваться его автомобилем. Но мы поспешили отказаться и ушли, унося в душе радостное впечатление милого русского широкого радушья.

Граф Бобини».